

Б. И. Каракулов (Глазов)

**О проблемах, связанных с категорией посессивности
в удмуртском языке**

Проблеме посессивности в финно-угорских языках, в том числе и в удмуртском, посвящено немало работ, однако некоторым аспектам ее не уделено еще должного внимания. Даже сама посессивность в различных трудах в зависимости от метода и характера анализируемого материала трактуется то как грамматическое (морфологическое), то как семантическое понятие [Колпакова 1988: 1].

В настоящее время в удмуртском языке лучше изучены основные морфологические средства выражения посессивности, однако границы ее как в формальном, так и в содержательном плане еще не определены. А это препятствует обучению грамматике удмуртского языка, стилистической дифференциации и правильному использованию форм, а также рассмотрению истории их развития.

Одним из способов выражения притяжательных отношений в удмуртском языке, как и в тюркских и иранских языках, являются изафетные конструкции. Термин изафет не во всем его смысловом объеме был заимствован из тюркологии. В удмуртской лингвистике им принято обозначать только взаимозависимую связь между словами в именных определительных сочетаниях, а морфологически неоформленная посессивная структура определяется как “примыкаемая притяжательная конструкция”. Связь между элементами в таких конструкциях относят к примыканию [ГСУЯ: 9–13; Вахрушев 1970: 86]. В связи с этим встает проблема унификации грамматической терминологии.

Изучив изафетные структуры в удмуртском языке, В. М. Вахрушев выявил 3 группы и, видимо, по степени употребительности расположил в следующем порядке: 1) морфологически

оформлены оба компонента (*дышетйсьлэн пиез, тынад анаед*); 2) морфологически выражен только 1-й компонент (*Колялэн мылкыд, милям мылкыд*); 3) морфологически выражен только 2-й компонент (*ас гуртам*) [Вахрушев 1970: 86]. Но в финно-угроведении наиболее древним (прафинно-угорским или даже праруральским) способом выражения притяжательности принято считать морфологически неоформленные притяжательные конструкции типа *ыжсти* 'ягненок' (досл. 'овца детеныш'). Параллельно с этими структурами использовался другой вид выражения посесивности: лично-притяжательные суффиксы, восходящие к личным и указательным местоимениям, присоединялись к словам-обладаемым, указывая обладателя [ОФУЯ: 267]. В связи с последним надо отметить, что в удмуртском языкознании есть и другая точка зрения: одиночные существительные, имеющие притяжательные формы могли возникнуть опущением своих определений [Перевощиков 1961: 270]. Но истории развития морфологически оформленных изафетных конструкций не уделялось еще особого внимания.

В этих конструкциях морфологическое оформление определения предназначается для обозначения конкретного обладателя [Перевощиков 1961: 268], а морфема в определяемом слове, в отличие от аналогичного суффикса в составе одиночного существительного, видимо, стала использоваться для указания на определенного обладаемого. И этими значениями морфем могло быть связано их каждое употребление. Но в структуре определяемого слова сочетаний с притяжательными местоимениями более регулярное использование этих суффиксов наблюдается только в последнее время, что подтверждается данными письменных памятников. В "Сочинениях..." 1775 года отмечено: "Именительный падежь *милямь сяська*, говорят вместо *милямь сяськамы*, Родительный *милямь сяськалэнъ*, вместо *милямь сяськамылэнъ*, Дательный *милямь сяськалы*, вместо *сяськамылы*, Винительный *мыныстымь сяськамё*, вместо *мыныстымь сяськамэзь*, Творительный *милямь сяськазэнъ*, вместо *милямь сяськазнымы*" [Перевощиков 1961: 4-5]. В переводных текстах начала XIX в. уже используются обе формы: *Аслазь дышетскисьюсь-лы* [Сочинения: 17], *Мынам дискуть бордэ* [Там же, с. 34], *нылыдъ тынадъ* [Там же, с. 35], *вирь вяньэзь солэнъ* [Там же, с. 34]. В современном удмуртском языке морфологическое оформление слова-обладаемого подобных сочетаний некото-

рые лингвисты склонны рассматривать как проявление своеобразного плеоназма (см., напр.: [Перевощиков 1961: 275]).

При сопоставительном изучении удмуртского языка с русским обнаруживается частое использование лично-притяжательных суффиксов в удмуртском. Не зная о многозначности этих морфем, переводчик затрудняется работать над текстом. Более того, его работу усложняет то, что случаи использования рассматриваемых морфем в непритяжательном значении в исследованиях раскрыты в неполном объеме. На особенности употребления лично-притяжательных аффиксов обращают особое внимание и специалисты родственных языков [Цыганкин, Киушкина 1985; Кожевин, Некрасова 1994], в удмуртском языке, опираясь на работы предшественников, их показывает Б. А. Серебренников [1963: 129–138]. Рассматривая омонимичные формы с -эз (-ыз), восходящие к определениям притяжательных структур с опущенным словом-определяемым, в удмуртском языке В. И. Алатырев [1970] обозначил выделительно-указательную категорию. Однако в этой работе имеются и неточности: нельзя отрицать то, что аффиксы 2-го и 3-го лица могут выступать в функции определенного артикля, на что указывали А. И. Емельянов [1927: 130] и Б. А. Серебренников [1963: 131]. Более того, следует отметить, использование суффикса 3-го и даже 1-го лица в этой роли в современном удмуртском языке расширяется. Заметным влиянием диалектов на литературный язык вызвано проникновением подобных структур в письменную речь: *Оло школае пыдзэ лёгано ёво́л ни?* (П. Чернов). В последнее время на базе притяжательных суффиксов развились оморфемы субъективной оценки. При указании на близкий, дорогой для собеседников предмет употребляется аффикс 2-го лица, а в диалектах северного наречия – также аффикс 1-го лица: *Скалме люктаны пото*. Форма 3-го лица используется в уничижительном значении: *Та корказэ адземе но уг поты ни* (см. об этом также: [Кельмаков 1996: 132]).

В парадигме лично-притяжательных суффиксов пермских языков от древней финно-угорской системы изменился лишь суффикс 1-го лица ед. числа. Как и коми -ой, так и удмуртский суффикс -э (-ы), может использоваться и в вокативном, и в посессивном значениях: *мынам піэ* [Сочинения 5], *дыдыэ* [Евангелие 35]. Видимо, на основе вокативного значения или значения субъективной оценки этого суффикса в некоторых удмуртских говорах,

в частности в можгинском, морфема 3-го лица используется как словообразовательный суффикс: *айызы 'свекор'*. В наречных образованиях данная морфема в словообразовательном значении используется широко: *Паськытэсь възьёсыз Валолэн, тулыссэ турынэн шобырско* (Д. Яшин).

Посессивность в удмуртском языке также выражается habeo-конструкциями. В этом случае дополнение-обладатель оформляется суффиксом генитива, а подлежащее-обладаемое – соответствующими лично-притяжательными суффиксами.

Библиографический список

Колпакова Н. Н. Посессивность в венгерском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.

ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

Вахрушев В. М. Изафетные конструкции в удмуртском языке // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР Вып. 21: Филология. Ижевск, 1970. С. 78–106.

Кельмаков В. К. Формы субъективной оценки имен существительных в удмуртском языке // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugritarum. Pars III: Sessiones sectionum: Phonologia & Morphologia. Jyväskylä, 1996. С. 131–134.

ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М., 1974.

Первощиков П. Н. Притяжательные формы связи имен в определительных словосочетаниях удмуртского языка // Вопросы составления описательных грамматик: Сб. статей. М., 1961.

Сочинения – Сочинения принадлежащая к грамматикъ вотскаго языка. СПб, 1775.

Евангелие – Господа нашего Иисуса Христа евангелие от св. евангелиста Марка на русском и вотякском языках, Глазовскаго наречия. Казань, 1847.

Цыганкин Д. В., Киушкина Р. И. Особенности употребления лично-притяжательных аффиксов в эрзянском языке // Основные тенденции развития финно-угорских языков. Саранск, 1985

Кожевин Г. Ю., Некрасова Г. А. Функционирование лично-притяжательных суффиксов в современном коми языке // Национальные и демографические процессы в республиках и регионах Европейского севера Российской Федерации (история и современность): Тез. докл. Сыктывкар, 1994.

Серебрянников Б. А Историческая морфология пермских языков. М., 1963.

Алатырев В. И. Выделительно-указательная категория в удмуртском языке. Ижевск, 1970.

Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка. Л., 1927.